

Валерий КЛИМОВ

АНТИМАСОН

Конспирологический детектив

(Журнальный вариант)

*«Все тайные общества,
под какими бы наименованиями они ни существовали,
как то: масонских лож или другими, закрыть
и учреждения их впредь не дозволять...»*

Император Александр I,
«Указ о уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ» от 1.08.1822

Глава 1. СЛЕД РОЗЕНКРЕЙЦЕРА

Раздался громкий звук захлопнувшейся входной двери, и находившийся до этого в состоянии глубокой протрации семнадцатилетний Сергей Смирнов, высокий светло-русый паренёк с красивыми чертами лица и спортивным телосложением, впервые за день придя в себя, медленно оглянулся вокруг. За длинным столом с остатками поминального обеда, кроме него, к этому моменту оставался всего лишь один человек — проживающий по соседству с ним давний друг и сослуживец его отца дядя Гриша, худощавый и жилистый мужчина лет сорока пяти с грустными глазами на длинном добром лице, который с нескрываемой жалостью во взгляде уже длительное время пристально наблюдал за ним. Судя по доносящемуся из кухни негромкому разговору, в смирновской квартире, кроме них, находились ещё два человека. Это были активно развернувшие свою посудомоечную деятельность бойкая сорокадвухлетняя жена дяди Гриши тётя Таня и их худенькая, похожая на мальчишку-подростка, четырнадцатилетняя дочка Оля, или Оленька, как её ласково называли родители, уже давно по-детски влюблённая в Сергея, с юношеской непосредственностью не обращавшего на её влюблённость абсолютно никакого внимания.

Отец Сергея погиб на месте, когда в его «Жигули» на выезде из города врезался гружёный самосвал, вылетевший на большой скорости с боковой просёлочной дороги. Водитель самосвала сбежал с места происшествия, а поскольку самосвал оказался утнаным, то установить по горячим следам личность управлявшего им человека не удалось. При этом милиция констатировала факт того, что ещё задолго до её прибытия труп Смирнова-старшего, как и водительский бардачок с багажником «Жигулей», были явно кем-то обысканы, но ни деньги, ни документы, ни наручные часы погибшего не пропали. Было зафиксировано лишь отсутствие связки ключей от квартиры и его общего с дядей Гришей служебного кабинета.

Смирнов-младший остался совсем один. Два года тому назад из-за тяжёлой болезни умерла его мать, а сейчас вот ушёл из жизни и отец...

— Серёжа, может, тебе всё-таки — к нам? Поживёшь у нас... пока на душе не полегчает, а?

— Нет, спасибо, дядя Гриша... Я лучше тут... Мне сейчас надо побыть одному. До «сорока дней» буду жить здесь, а там... вскоре... у меня начнётся учёба в институте. Тогда и решу вопрос о своём будущем проживании.

— Я вот что ещё тебе хотел сказать, Серёжа. Но только давай договоримся: всё, что я сейчас расскажу — останется строго между нами. Идёт?

— Идёт.

— Тогда слушай и запоминай... — оглянувшись на кухню, тихо продолжил дядя Гриша. — Твой отец и мой друг Дмитрий Игоревич Смирнов, как ты знаешь, до своей гибели служил в нашем районном отделе внутренних дел заместителем начальника отдела уголовного розыска. Был на хорошем счету: его даже в областное управление до конца этого года планировали перевести. Буквально за два дня до ДТП Дмитрий поделился со мной кое-какими оперативными данными о ходе своего расследования зверского убийства одного известного в здешнем криминальном мире карманника по кличке Коготь, труп которого с явными следами изощрённых пыток и ножевым ранением в области сердца около недели назад нашли на месте его проживания. В квартире всё было перевёрнуто вверх дном. Полное впечатление, что в ней кто-то целеустремлённо искал какой-то неизвестный нам документ или предмет, имевший для искавшего ценность особого, явно не только материального характера, так как ни деньги, ни ценные вещи из квартиры Когтя взяты не были.

— Странно... но точно так же всё было перевёрнуто у нас в квартире в день папиной смерти, и также ничего не пропало... даже открыто лежавшие на столе деньги. А поскольку дверной замок не был взломан, я подумал, что этот беспорядок устроил в мое отсутствие отец. Потом... позвонили и сообщили о смерти папы, и эта история с разбросанными вещами сразу же вылетела у меня из головы. Сейчас вот вспомнил про неё...

— Всё это очень странно... Так вот, со слов Дмитрия, один из его «барабанов»... ну, осведомитель... шепнул ему о том, что буквально за сутки до смерти Коготь хватался, что за ним стоит один серьёзный человек из какой-то тайной организации типа секты, названный однажды при нём одним из знакомцев последнего Розенкрейцером, который периодически снабжает его хорошо оплачиваемыми заказами на предмет незаметного опустошения карманов конкретно указываемых им лиц с последующей передачей ему всего похищенного, и что он, Коготь, в свою последнюю встречу с этим заказчиком примерно наказал Розенкрейцера за жадность (якобы тот при расчёте недодал ему часть обещанной суммы), срезав у того портмоне с приличной наличностью и красивой «цацкой из рыжья». На просьбу показать трофей подвыпивший Коготь хвастливо вытащил упомянутый предмет из кармана и продемонстрировал его «барабану», после чего последний стал уговаривать пьяного хвастуна сыграть с ним на него в карты. Коготь неразумно согласился и вчистую проиграл украденную «цацку» осведомителю Дмитрия. Однако на встречу с твоим отцом «барабан» её с собой почему-то не взял. Пообещал принести для показа на следующий день.

— А как выглядела эта «цацка»?

— По описанию «барабана», пересказанному мне твоим отцом, она была треугольного типа, с вытянутым верхним углом, и представляла собой подвеску из золота, на которой в центральной её части с выгравированным на ней солнечным свечением были прикреплены выполненные из драгоценного камня красного цвета крест и раскрытый бутон розы. Под крестом на подвеске располагалось изображение какой-то птицы типа орла с двумя опущенными вниз крыльями, сидящей на чём-то, очень напоминающем гнездо. Верхний же угол этой подвески, над розой, венчала то ли корона, то ли возвышающаяся часть рыцарской башни.

— И что дальше?

— Дальше то, что, во-первых, «барабан» бесследно исчез за сутки до гибели Дмитрия, а во-вторых, в квартире этого осведомителя при нашем вчерашнем туда прибытии было зафиксировано отсутствие вышеупомянутой подвески с розой и крестом.

— И что это означает?

— А то, что налицо следующая цепочка взаимосвязанных событий: какой-то неизвестный, то ли с фамилией, то ли, что более вероятно, с кличкой Розенкрейцер, имеющий отношение к некой тайной организации в нашем городе, снабжал преступными заказами своего знакомого высокопрофессионального карманника Когтя, который несколько дней назад, обидевшись на него из-за размера оплаты своего труда, выкрал из карманов своего благодетеля портмоне с деньгами и ту самую подвеску с розой и крестом, проигранную им позже в карты осведомителю твоего отца. Розенкрейцеру нетрудно было догадаться, кто стащил у него портмоне и подвеску. Он сам или его люди пришли к Когтю домой и убили его, предварительно узнав с применением пыток имя или кличку человека, выигравшего у него подвеску. Затем они, вероятно, потратили какое-то время на вычисление полных именных данных и адреса несчастного

«барабана», после чего появились к нему домой, обыскали квартиру, но, судя по всему, подвески там не нашли. Тогда они наверняка вывезли несчастного в какое-нибудь безлюдное место и, перед тем как убить и закопать, разговорили его насчёт того, что именно и кому именно он успел передать и рассказать. Так преступники вышли на твоего отца и, решив, что он слишком много знает, на всякий случай, ликвидировали его под видом ДТП. Для подстраховки они, забрав у погибшего Дмитрия ключи от вашей квартиры, обыскали её в твоё отсутствие. Убедившись, что твой отец не вёл и не хранил дома никаких дневников и прочих записей, касающихся его служебной деятельности, они успокоились и ушли.

— По-моему, логичней было бы предположить, что все материалы, относящиеся к расследованию убийства карманника, мой отец хранит на своём рабочем месте, например, в сейфе или в ящиках письменного стола.

— Я думаю, к тому моменту они уже точно знали о том, что на рабочем месте твоего отца, в нашем общем с ним служебном кабинете, нет никаких записей об итогах встречи с осведомителем. Видимо, кто-то из наших сотрудников сообщил им, что ничего интересующего их здесь нет. Но они просчитались... Дмитрий, при нашей последней с ним встрече, торопясь, оставил на моём рабочем столе небольшую, неизвестно как к нему попавшую книгу с закладкой на странице, текст которой, судя по всему, его сильно заинтересовал. Возможно, конечно, что эта книжка к данному делу не имеет отношения, но в этом со временем ты разберёшься уже сам... — дядя Гриша передал Сергею книгу, рассказывающую, судя по её названию, о некоем архимандрите Фотии, жившем в России в первой половине девятнадцатого века.

— А куда ехал отец, когда в него врезался угнанный самосвал?

— Никто не знает... но уже установлено, что выехал он из РОВД сразу после поступившего на телефон в нашем кабинете звонка неизвестного лица из телефонной будки, расположенной в центре города. Видимо, Дмитрия под каким-то предлогом выманили из служебного кабинета и хитроумно направили в том направлении, на котором его уже ждал самосвал-убийца.

— Дядя Гриша, а почему он вам ничего не сказал, когда уходил из кабинета?

— Потому что меня там тогда не было... Я в это время в составе дежурной опергруппы находился в другом месте.

— И что же теперь будет?

— Ничего. Лично я не сомневаюсь в том, что труп Дмитриевского осведомителя в ближайшее время не будет найден, и расследование обоих уголовных дел по ДТП и убийству Когтя окончится «глухарями». Поэтому я и решил, что ты должен знать обо всём этом... — дядя Гриша тяжело встал со стула и пошёл в кухню помогать своим женщинам мыть посуду.

На следующий день Сергей раскрыл на заложенной странице книжку об архимандрите Фотии...

Глава 2. АРХИМАНДРИТ ФОТИЙ

5 июня 1822 года в одной из многочисленных комнат Зимнего дворца сорокачетырёхлетний император Всероссийский Александр I в назначенный им же час с нескрываемым любопытством ожидал прихода несколько необычного гостя, с которым ему настоятельно советовал встретиться ряд лиц из близкого круга и о котором последние месяцы говорил весь Санкт-Петербург. Это был — внезапно приобретший огромное влияние на умы придворной знати, церковного руководства во главе с митрополитом Серафимом и простого люда тридцатилетний настоятель Сковородского монастыря Новгородской епархии архимандрит Фотий — священнослужитель, снискавший себе славу резкого обличителя созданной за несколько последних десятилетий в России сети тайных масонских обществ различного толка.

Пётр Никитич Спасский (в монашестве — Фотий) приобрёл вышеуказанную известность практически сразу после принятия им в 1817 году монашеского пострига, возведения в первый священный сан и назначения на должность учителя закона Божьего в столичном Втором кадетском корпусе, в котором обучались четыре тысячи юношей. Воспользовавшись этим назначением, молодой иеромонах в своих душевспасительных беседах незамедлительно принялся передавать открытым юношеским сердцам свою искреннюю любовь к родине, православной вере и традиционным ценностям русского народа, одновременно раскрывая им глаза на опасность «бесовских заговоров», методично готовящихся в недрах масонских лож, пропитанных ненавистью к Русской православной церкви и к русскому государству, а в последующие три года, помимо плановых занятий в кадетском корпусе, стал выступать ещё и с яркими проповедями на данную тему в соборном храме Александро-Невской лавры, а затем и в Казанском соборе.

Обличительные проповеди харизматичного иеромонаха привлекли внимание не только его поклонников, но и его влиятельных врагов из тайных обществ. На него посыпались анонимные угрозы, и лишь вставшие на защиту своего любимого учителя кадеты, сопровождавшие его повсюду за стенами учебного заведения, помешали расправе.

Тогда, не сумев ни уничтожить физически, ни напугать смелого иеромонаха, его враги решили избавиться от него посредством хорошо продуманной интриги, в результате которой он был удалён из Санкт-Петербурга путём назначения на должность настоятеля небольшого Деревяницкого монастыря недалеко от Новгорода.

Это назначение принесло ему игуменский сан, но, являясь, по сути, почётной ссылкой, сильно огорчило молодого игумена. Его чаще стали посещать видения, которыми он охотно делился с монахами своего монастыря: то он узрел, как его духовный наставник «владыка Иннокентий был принят в небесные обители» (и, действительно, тот был прославлен Русской православной церковью в лике святых в 2000 году), то — как «святой Георгий посулил лично ему скорое игуменство в Юрьевском монастыре Новгородской епархии» (и, действительно, в августе 1822 года он был с почётом назначен на должность настоятеля одного из трёх самых древних российских монастырей, в котором и закончил свой жизненный путь); сбылись и другие пророческие видения.

Аскетизм и воздержание, молитвы и бдения, ношение железных вериг и власяницы послужили причиной тому, что игумен Фотий стал считаться истинным праведником русской земли и избранником Божьего провидения под стать знаменитым ветхопещерникам — подвижникам раннего христианства. Новый митрополит Серафим перевёл Фотия в Сковородский монастырь Новгородской епархии и возвёл в духовный сан архимандрита.

Вот с этим человеком и предстояло встретиться Александру I, которого стало тревожить повальное увлечение молодых дворян мистицизмом, привнесённым в Россию из Англии, Германии и Франции; причём в этом был виноват лично он. Именно он в самом начале царствования широко распахнул «духовные ворота» перед масонскими учениями, охватившими все большие города империи своими ложами.

Александр I, в юности попавший под влияние либеральных идей и мистических настроений, усилившихся в Европе в период французской революции, в первое время после своей инаугурации всерьёз планировал провести в России либеральные реформы и направить её духовную жизнь в русло приближения к некой мистической «всемирной истине», рассматривая и возможность осуществления на территории империи проповедуемого масонами объединения всех существующих религиозных вероисповеданий с их традиционными обрядами в некоем лоне «универсального христианства». Однако с возрастом он пересмотрел свои прежние взгляды и свернул так толком и не начавшиеся промасонские либеральные реформы, а затем задумался о негативных последствиях деятельности мистических обществ с их тайными обрядами и неясными целями.

Когда Фотий, по приглашению митрополита Серафима, посетил Александро-Невскую лавру, к нему обратились приближенные царя с неожиданной просьбой встретиться с Александром I. Получив благословение от митрополита, Фотий решил довести до императора всю правду о засилии в стране тайных масонских лож, возглавляемых, в том числе, и лицами из близкого окружения Александра.

И вот Фотий оказался перед дверями, которые при его приближении молча распахнули двое царских слуг в красивых ливреях. Архимандрит вошёл в царские апартаменты. Император подошёл к Фотию и поцеловал протянутую ему руку, после чего приложился к небольшому образу Спасителя, также протянутому ему архимандритом.

— Я давно желал видеть тебя и принять твоё благословение, отец Фотий, — произнёс Александр I.

— Яко же ты хочешь принять благословение Божие от меня, служителя святого алтаря, то, благословляя тебя, глаголю: мир тебе, царь наш! Спасись и радуйся! Господь с тобою будет!

Император, почтительно взяв архимандрита за руку и вежливо показав место, где тому подлежит сесть на время беседы, самолучно посадил последнего на широкий стул. Сам же, глядя Фотию прямо в глаза, сел напротив настолько близко, что архимандрит понял — разговор будет доверительный.

— Не имеешь ли ты, отец Фотий, что-то особенное сказать мне? — спросил архимандрита Александр I.

— Никаких нужд земных для обители и себя я не имел и не имею. С нами Бог, а с ним всё у нас есть. Единственное тебе нужно поведать, что для тебя паче всего нужнее: враги церкви святой и царства русского весьма усиливаются. Зловерие и соблазны явно и с дерзостью себя открывают. Как поток водный, разливается всюду нечестие... Великий вред святой вере Христовой и царству твоему хотят сотворить тайные злые

общества, но они не успеют. Бояться их нечего! Надобно лишь внутри самой столицы дерзость врагов, тайных и явных, в успехах их немедленно остановить. Господь с тобою, о царь наш! Дается тебе благодать и крепость. Всё можешь ты во славу Божию сотворить. Праведные скорбят, видя успехи врагов, но чают, что Господня десница воздвигнет тебя, царь наш, защитит церковь святую и веру Христову! — взволнованно произнёс Фотий.

— Может, отец Фотий, у тебя есть и что-то более конкретное сказать мне о тайных врагах наших и действиях их во вред народу русскому?

— Есть, о царь наш! И коли желаешь, то слушай.

Архимандрит принялся рассказывать ту правду о реальном духовном состоянии российского общества, которую никто не хотел или не решался говорить царю. Фотий поведал, что в империи существует уже порядка ста масонских лож, в которых состоят около пяти тысяч человек — практически весь цвет русской аристократии. Знатные дворяне вступают в масонство порой целыми родами. Да и как им не вступать, если в самых влиятельных столичных ложах списки состоящих в них дворян начинаются с членов царствующей фамилии и некоторых близких друзей императора, а значительная часть всех действующих в России общественных организаций являются либо замаскированными разновидностями масонских лож, либо обществами, находящимися под их несомненным влиянием. Масоны всегда и везде внедряют своих людей в структуры государства, привлекают в свои ряды высокопоставленных лиц и стремятся осуществлять тотальный контроль над духовными центрами и типографиями страны.

С момента образования министерской системы при Александре I многие ключевые посты во вновь образованных министерствах заняли высокопоставленные масоны и проталкивают проект создания единой масонской ложи, решающей вопросы назначения государственных чиновников. Архимандрит раскрыл глаза императору на то, что тайные общества стали массово проникать даже в русскую армию, разлагая офицерский корпус. А это грозит военным переворотом. Положение усугублялось тем, что многие патриоты даже не подозревали о разрушительных целях масонских лож и относились к ним как к безвредным творческим кружкам, чему способствовала проделанная масонами подмена понятий: отступление от православной веры в рядах русской аристократии стало называться словом «мистицизм», а поклонение ложным богам — «духовным исканием». К текущему 1822 году под контролем масонов оказались даже Святейший правительствующий синод и Министерство духовных дел и народного просвещения, и теперь тайные общества открыто выпускают масонские вестники, носящие явно антигосударственный и антиправославный характер.

— Против тайных врагов наших мало уже действовать тайно. Надобно открыто запретить их! — подытожил свое повествование Фотий.

Реакция Александра на рассказ архимандрита была неожиданной: император упал на колени перед образом Спасителя и, оборотившись лицом к Фотию, сказал:

— Возложи руки твои, отче, на главу мою и сотвори молитву Господню обо мне!

Фотий исполнил просьбу царя. Александр, стоя на коленях, поклонился ему в ноги и поцеловал архимандриту руку.

Итогом встречи архимандрита Фотия и императора Александра I стал подписанный и переданный последним на исполнение министру внутренних дел империи Кочубею 1 августа 1822 года «Указ об уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ», под страхом наказания запрещавший на территории России деятельность такого рода организаций и состояние в них государственных чиновников всех рангов. В 1823-1824 годах были сняты с государственных должностей все уличённые в принадлежности к масонским ломам и не выполнившие императорский указ лица. Масоны-иностранцы высылались из Российской империи...

Глава 3. УРОК ИСТОРИИ

Внимательно прочитав этот отмеченный отцом текст в переданной дядей Гришей книге и как следует поразмыслив о его содержании, Сергей, первым делом, направился к своему школьному учителю истории — Евгению Николаевичу Сутормину, на редкость доброму и много знающему пожилому человеку, которого любили, без исключения, все ученики их школы. Сергей попросил учителя рассказать ему всё, что тот знал о масонах.

Евгений Николаевич поведал ему, что масонство, или, как его ещё называют, франкмасонство, является, по сути, огромным транснациональным общественным движением общей численностью порядка четырёх миллионов человек, умело сочетающим в своей идеологии самые разнообразные эзотерические, религиозные и естественнонаучные представления. Самое первое масонское общество было официально создано в Англии в 1717 году. «Масоны» (в переводе на русский — «вольные каменщи-

ки») обязаны своим названием старинной «Гильдии каменщиков» — первой закрытой профессиональной организации.

В каждой масонской ложе есть три «степени совершенствования»: «ученик», «подмастерье» и «мастер». Сутормин обратил внимание Сергея на то, что, на первый взгляд, масонство не представляет собой ничего опасного для окружающих. Масонская ложа кажется несведущим людям неким клубом по интересам для «заумных» граждан, помешанных на смеси эзотерики, философии и ритуалов, густо сдобренной романтикой таинственности и пафосом декларируемых принципов свободы, равенства, братства и справедливости. Однако это — лакированная приманка для творческой интеллигенции, влиятельных чиновников и крупных финансистов, попадающих в сети талантливых манипуляторов, использующих адептов с их идеями, деньгами и связями в своих абсолютно прагматичных и порой глубоко циничных целях, касающихся влияния на внутрисполитическое устройство и внешнюю политику конкретной страны.

Наиболее влиятельных и одарённых лиц из масонского «братства» привлекают к деятельности, о которой остальные «братья» даже не догадываются. Для этого существуют секретные степени посвящения и тайные организации внутри лож. И вот эти-то глубоко законспирированные организации и люди, в них входящие, могут быть очень опасными как для целых государств, так и для частных лиц, оказавшихся на их пути...

В России первая ложа была открыта в 1731 году, когда Великая ложа Англии назначила провинциальным великим мастером для России капитана Джона Филиппса. Следующим главой масонов в России в 1740 году стал генерал на русской службе Джеймс Кейт, а в 1772 году местных масонов возглавил российский гражданин И.П. Елагин, при ком масонство на русской земле расцвело бурным цветом. В 1822 году Александр I запретил масонство в империи, однако пробуждение имперской элиты от чар масонства произошло не при этом императоре.

В России, как с упоением рассказывал Сутормин, потребовалось пройти через попытку государственного переворота, осуществлённую в 1825 году так называемыми «декабристами» — офицерами из нескольких тайных обществ, большинство из которых одновременно являлись членами ушедших в подполье масонских лож. Новый император Николай I перешёл к более жёстким мерам в отношении масонских и прочих тайных обществ, для чего создал в 1826-1827 годах Отдельный корпус жандармов. После этого, по мнению Сутормина, число масонских лож и их членов стало уменьшаться, а во второй половине XIX века практически сошло на нет, уступив «пальму первенства» среди тайных обществ революционным организациям различного толка.

Так продолжалось вплоть до русской революции 1905 года, после которой, воспользовавшись предоставленными императором Николаем II политическими свободами, в Российской империи вновь, как грибы, стали расти масонские организации. В частности, в 1905 году в России открыли свои ложи ВВФ («Великий восток Франции») и ВЛФ («Великая ложа Франции»), впоследствии пооткрывавшие под своей эгидой кучу местных, «доморожденных» лож типа: «Полярная звезда», «Астрея», «Феникс».

А в 1912 году в России самоорганизовалась ещё и формально независимая от мирового масонства ложа ВВНР («Великий восток народов России») — масонская ложа с кардинально отличающимся уставом. В ней была упразднена степень «подмастерье» и отменены практически все традиционные ритуалы (в том числе, ритуал посвящения в масоны, хорошо описанный ещё самим Львом Толстым в его романе «Война и мир»), допущены к приёму женщины и разрешено широкое обсуждение политики вплоть до написания политических статей и воззваний. В данной организации были нарушены все основные принципы традиционных масонских лож.

Её многолетняя провокационная деятельность, особенно на фоне тяжелейшей войны России с Германией, как подчёркивал Евгений Николаевич, в конечном счёте и привела страну к Февральской революции и приходу Временного правительства, членами которого практически поголовно являлись масоны ВВНР и прочих масонских обществ новой волны, а возглавил его глава ВВНР А.Ф. Керенский.

Однако сразу после Октябрьской революции «Великий восток народов России» прекратил своё существование, и в охваченной войной стране остались разрозненные и весьма малочисленные масонские организации разных мастей. В 30-е — 40-е годы XX века большевики практически полностью ликвидировали масонство в стране.

После прослушанной лекции в голове у Сергея возник сумбур, однако он понял главное: не факт, что тайная «секта», представитель которой контактировал с погибшим карманником, имела какое-либо отношение к масонству, а если и имела, то это противоречит утверждению учителя истории о том, что уже полвека в стране не слышно ни об одной действующей масонской организации.

Глава 4. АРМИЯ

Прошло несколько лет. Сергей закончил институт и получил повестку в военкомат. Служба в армии для рядового Смирнова началась в обычной солдатской учебке в древнем русском городе с красивым названием Переславль-Залесский, куда его вместе с ещё несколькими земляками доставили из родной области так называемые «покупатели» — офицеры воинского подразделения, забирающие призывников по выданной им разрядке из указанных в ней призывных пунктов страны и доставляющие их в свою воинскую часть.

По прошествии первого месяца службы в учебке новобранцами была торжественно принесена военная присяга. Незаметно прошли полгода, и Сергей вместе со своими сослуживцами, успешно сдав в конце октября тысяча девятьсот восемьдесят девятого года «выпускные» экзамены по военно-учётной специальности, получили распределение в места дальнейшего прохождения службы, или, на армейском жаргоне, в «войска», разбросанные по всей огромной территории советской страны. Смирнову и ещё пятерым его сослуживцам повезло: их ждал крупный областной центр — Оренбург!

Воинская часть располагалась на дальней окраине Оренбурга. На КПП прибывшее пополнение встретили двое военных: высокий симпатичный офицер, на вид ровесник Смирнова, представившийся лейтенантом Меховым, и худощавый ефрейтор Семенов. Мехов забрал у прибывших предписания и дал команду Семенову отвезти их в казарму, а сам направился в сторону штаба воинской части.

Ефрейтор лениво скомандовал построиться в колонну по двое и следовать за ним, после чего на ходу принял просвещать приехавших. Он напомнил им, что те, отслужив в армии свои первые полгода, являются сейчас, по неофициальной армейской терминологии, бесправными щеглами, а он и другие, отслужившие год, называются фазанами, или черпаками, которые вместе с дедами, отслужившими полтора года, будут нещадно гонять щеглов ближайшее полугодие, до приказа министра обороны о новом призыве.

Когда в своей менторской речи Семенов затронул тему беспрекословного подчинения щеглов фазанам, дедам и дембелям, Смирнов сообщил ефрейтору, что унижений от старослужащих терпеть не будет.

— Но ты же понимаешь, что тебя отправят на больничную койку со множественными переломами?

— Понимаю. Но ты передай своим соратникам, что первого, кто меня ударит — я отправлю на тот свет.

Первые два дня в новых условиях службы прошли для Смирнова и его пятерых товарищей вполне сносно. Как и в учебке, кормили здесь вполне прилично. Условия проживания тоже оказались весьма достойными; в казарме было тепло, светло и комфортно. Им предстояло поочередно нести боевое дежурство, которое осуществлялось сменами по шесть человек, еженедельно отправляемыми вахтовым методом на специальном военном автомобиле к местам назначения в бескрайних оренбургских степях.

Первые сутки с ротой провёл встретивший командир первого взвода лейтенант Мехов. Узнав, что Сергей попал в армию после ВУЗа, он после ужина вызвал его в офицерский кабинет и предложил сыграть в шахматы. Играли до самого отбоя.

На третьи сутки пребывания Смирнова в новой части в казарму после недельного отсутствия вернулись самые «отмороженные» старослужащие их роты. Главенствовал там старший сержант Грибов, высокий молодой человек спортивного телосложения с выраженным одесским выговором и демонстративно блатными манерами. Его правой рукой был наиболее мерзкий из ротных фазанов сержант Шарий, крепкий парень среднего роста. Эта парочка сразу же стала задиравать новеньких щеглов. Те с ужасом ждали ночи.

«Профилактический террор» начался сразу же после отбоя. Садист Шарий с парой отморозков из фазанов стали поочередно поднимать щеглов и отводить их в туалетную комнату — большое, отделанное белым кафелем помещение, где несчастных ждали главный инквизитор Грибов и еще двое дедов. Били педантично и жестоко, но только по корпусу, чтобы не было следов на лице.

Очередь дошла до Смирнова. Подошедший к его кровати Шарий потребовал встать. Сергей встал и босяком медленно направился в направлении туалетной комнаты мимо тумбочки дневального, которым в эту ночь был один из товарищей Смирнова по переславль-залесской учебке. Приблизившись к нему, Сергей неожиданно для своих конвоиров, резко оттолкнув от себя ближайшего из них, стремительно выхватил из ножен на ремне дневального табельный штык-нож и наставил его на растерявшихся фазанов. Обескураженный Шарий громко позвал Грибова с компанией. Те вышли из туалетной комнаты в казарменный коридор.

- Ну, всё, братан, ты не жалец! – театрально проговорил Грибов.
- Не говори гоп, пока не перепрыгнешь, – ответил Сергей.
- Гасите его! – приказал Грибов фазанам, но никто не хотел рисковать жизнью.
- Шарий, давай! Чего ты ждёшь?

Шарий по-волчьи оскалился и осторожно сделал пару маленьких шажков к Сергею. Все замерли. Смирнов, освоивший каратэ во время учёбы в ВУЗе, свободной рукой нанёс резкий удар в кадык. Шарий судорожно обхватил обеими руками место пропущенного удара. Сергей, схватив его за отворот расстёгнутой гимнастёрки, подсечкой поставил на колени перед собой, приставил острие штык-ножа к щеке и предупредил остальных, что убьёт любого, кто нападет.

В этот момент открылась входная дверь, и в казарму вошёл дежурный по части лейтенант Мехов.

– Что здесь происходит? – спросил он у всех, глядя на стоящего на коленях Шария и на Сергея, спрятавшего за спину руку со штык-ножом.

– Шутим, товарищ лейтенант, – наигранно проговорил Грибов.

– Рядовому Смирнову – стоять на месте, а всем остальным «шутникам» – отбой!

Все стремительно «рассосались» в межкроватьном пространстве, а Сергей, заслоня собой дневального, вернул ему штык-нож из-за спины. Мехов это прекрасно рассмотрел, но сделал вид, что не заметил. Приказал Смирнову одеться по полной форме и проследовать за ним в штаб части.

В штабе лейтенант предложил Сергею присесть и поинтересовался:

- Ну, и что у вас там произошло на самом деле?
- Ничего особенного... Пошутили немного.
- Не волнуйся, никуда я докладывать не буду, можешь смело рассказать мне о происшествии.
- Не о чем мне рассказывать вам, товарищ лейтенант. Шутили мы.
- Ну, как знаешь... Но что бы ты сделал в следующую секунду, если бы вдруг я не вошёл в казарму?
- По ситуации.
- Значит, так. В казарму тебе возвращаться нельзя. Сегодня остаёшься ночевать в штабе, а завтра я попытаюсь временно пристроить тебя в наш музыкальный взвод, обитающий в клубе. Спать будешь в их расположении, питаться в столовой тоже вместе с ними, а службу нести будешь здесь – в штабе. Мой хороший знакомый заместитель начальника учебно-строевого отдела майор Кустов как раз ищет смышлёного солдата для выполнения кое-каких штабных поручений в ближайшие три недели. А этого времени нам с тобой, я думаю, хватит для того, чтобы продержаться...

– Почему три недели? А дальше?

– Дальше ожидается моя служебная командировка на Кавказ на полгода. Исстари так повелось, что если русский офицер не воевал или хотя бы не служил на Кавказе, то он как бы и не мог считаться полноценным офицером. В Афганистан я не успел. Так что мне теперь дорога на Кавказ, а если быть точным, в Закавказье – в Баку. Завтра же постараюсь добиться, чтобы тебя откомандировали туда вместе со мной. По нашем возвращении сюда здесь уже не будет никакого Грибова со товарищи. Ну, как? Согласен ехать со мной в Баку? Говорят, правда, что сейчас там не совсем спокойно. Ну, да в твоём положении особенно выбирать не приходится.

– А я и не собираюсь выбирать. В Баку – значит в Баку. Только у меня, товарищ лейтенант, есть к вам один нескромный вопрос: почему вы так уверены, что сможете решить мои проблемы?

– Ты, Смирнов, как я убедился, не из болтливых, поэтому скажу тебе по большому секрету: мой отец – генерал, и его не так давно перевели из нашего родного Калининграда в Москву на очень высокую должность в Генеральном штабе.

Мехов аккуратно разлил из вскипевшего электрочайника кипяток по двум гранёным стаканам, добавил в них душистую заварку из маленького заварного чайника, потом достал с настенной полки бумажный кулёк с пончиками. Перекусив, они вышли из штабной «бытовки», и лейтенант, открыв неприметную дверь под лестницей, ведущей на второй этаж, провел солдата в тёплый маленький подвал, где вдоль двух стен располагались длинный узкий стол и такой же длинный старый сундук. И на том, и на другом в беспорядке валялись старые армейские телогрейки и шинели.

– Располагайся на ночлег и без меня никуда отсюда не выходи. Завтра утром я спущусь сюда за тобой...

Глава 5. САЛЬЯНСКИЕ КАЗАРМЫ

До Баку Мехов и Смирнов долетели обычным рейсовым самолётом. Рейс был прямой, и уже к вечеру того же дня лейтенант и рядовой прибыли в знаменитые Сальян-

ские казармы — огромный комплекс воинских частей, организаций и училищ, расположенный на относительно небольшой городской территории треугольной формы, ограниченной проспектом Строителей, Тбилисским проспектом и улицей Алекперова.

Своё наименование эти казармы получили от первого воинского подразделения, размещавшегося в них почти сто лет назад — 206-го пехотного Сальянского Его Императорского Высочества наследника цесаревича великого князя Алексея Николаевича полка, названного так, в свою очередь, в честь крепости Сальян, взятой русской армией в ходе военной кампании в Персии в 1723 году.

Все здания и прочие военные постройки там сильно отличались друг от друга по своей архитектуре, что не удивительно, так как самые первые из них, с элементами восточного зодчества, построены в начале XX века; последующие, с элементами германской архитектуры, возведены пленными немцами в 1947 году, а остальные — «сталинки» и железобетонные «брежневки».

На момент прибытия Мехова и Смирнова в Сальянских казармах располагались несколько воинских частей: полностью укомплектованный мотострелковый полк и кадрированные, то есть не развёрнутые в полную штатную численность, подразделения, артиллерийское, зенитное, ещё одно мотострелковое, а также отдельные дивизионы и батальоны, ракетный, разведывательный, медицинский, связи, химической защиты, материального обеспечения.

Разместили командированных сначала в разных местах: Мехова — при штабе, а Смирнова — в казарме подразделения, в которое они прибыли для проведения наладочных и ремонтных работ на специальном оборудовании, установленном на нескольких военных автофургонах марки «Урал». Комната, выделенная лейтенанту, оказалась большой, и через несколько дней, с разрешения армейского руководства, Сергей переселился к нему.

В городе из-за продолжавшегося уже более полутора лет политического конфликта по поводу принадлежности Нагорного Карабаха было крайне беспокойно. Один местный прапорщик, имевший личный автомобиль, провёз Мехова и Смирнова пару раз по центральной части города, показывая достопримечательности, но не советовал им посещать эти исторические объекты без специального сопровождения и, тем более, в военной форме. Практически весь декабрь тысяча девятьсот восемьдесят девятого и первую декаду января нового тысяча девятьсот девяностого года лейтенант и солдат безвылазно провели за работой в Сальянских казармах.

Во второй январской декаде в Баку произошло резкое обострение межэтнического конфликта, приведшее к многочисленным человеческим жертвам, разгулу экстремизма на городских улицах и попытке переворота в Азербайджанской ССР. Угроза нападения на военные объекты и захвата имеющегося там оружия перестала быть чисто теоретической: вокруг всех воинских частей образовались кольца блокады, устроенной вооружёнными повстанцами разных политических движений, главным из которых был Народный фронт Азербайджана.

По его инициативе построенными баррикадами из крупногабаритной автомобильной техники (самосвалов, рефрижераторов, бензовозов с топливом и больших автобусов) были блокированы и все въезды-выезды из Сальянских казарм. Единственным требованием повстанцев был невыход воинских частей из казарм в город, в котором происходила «этническая зачистка». Были также перекрыты все наземные въезды и выезды из Баку и перегорожен гражданскими судами «Каспморнефтефлота» рейд Бакинской бухты.

Гарнизон Сальянских казарм находился в полной боевой готовности. Удвоены посты в караулах и выдано оружие офицерам и солдатам всех подразделений, включая командированных. Получили табельное оружие и Смирнов с Меховым, чей маршрут по военному городку сузился до всего лишь трёх объектов: штаба, столовой и площадки, на которой располагались военные автомобили с налаживаемым ими спецоборудованием. Все напряжённо ждали развязки. И она наступила.

Решающие события в противостоянии гарнизона и местных националистов произошли в ночь с девятнадцатого на двадцатое января тысяча девятьсот девяностого года. Ровно в полночь со стороны Сальянских казарм, после категорического отказа повстанцев разобрать свои заслоны из автомобильной техники и мирно разойтись, началась военная операция по разблокированию Южного КПП. В то же самое время со стороны находящихся вне Баку воинских частей, ранее переправленных сюда авиацией из других регионов, начался синхронный войск в город сразу с нескольких направлений.

Пытающиеся разблокировать свой КПП военнослужащие гарнизона Сальянских казарм сразу же попали под сильный обстрел повстанцев, оборудовавших не менее ста огневых точек вокруг военного комплекса. Появились первые потери. Военные от-

крыли ответный огонь по стрелкам, засевающим на крышах и верхних балконах близстоящих многоэтажных домов. Трассирующие пули рассекали тьму ночного неба.

События набирали неотвратимый ход: сформированная в глубине территории Сальянских казарм мотострелковая колонна из нескольких БМП с танком Т-55 впереди пошла на прорыв. Танк с установленными над гусеницами «плугами» от КМТ с разгона врезался в огромную автобаррикаду и разметал её в считанные секунды. Оказавшийся на его пути КраЗ с бетонными плитами в кузове был раскроен натрое, а находившаяся за ним автомобильная техника — просто смята, как картонка.

Вырвавшаяся таким образом из Сальянских казарм мотострелковая колонна выдвинулась на Тбилисский проспект и двинулась по нему наверх, к выходу на Баладжарский спуск, где на одном из перекрёстков застряли «ВВ-шники», попав в засаду и понеся серьёзные потери. С другой стороны Тбилисского проспекта, сметая на своём пути баррикады и прочие заграждения, в город, прикрываясь броней, входили десантники и по мере продвижения к центру Баку тоже несли потери в личном составе.

Серьёзное сопротивление войска встречали практически на всех направлениях. Однако остановить продвигавшуюся одновременно со всех сторон армию повстанцам не удалось. К утру двадцатого января воинские соединения, задействованные в операции, заняли все районы города, а двадцать первого января был деблокирован от трёх танкеров с нефтью и главный фарватер Бакинской бухты.

В Баку было введено чрезвычайное положение и объявлен комендантский час. Началась работа по организации комендантской службы и обустройству быта военнослужащих. В Баку не работали магазины, пустовали рынки, остались без электричества многие больницы, принимавшие раненых, подходили к концу запасы продовольствия, стоял общественный транспорт и бездействовали правоохранительные органы. Вся инфраструктура Баку была парализована, и в условиях полнейшего безвластия решение всех проблем в городе легло на плечи военных.

В отдельных бакинских районах периодически возобновлялись боевые действия с наибольшим ожесточением у Сальянских казарм. Перестрелки здесь продолжались вплоть до утра двадцать второго января, да и потом, после подавления всех огневых точек повстанцев, казармы ещё долго обстреливались одиночными снайперами. Последний погибший в Сальянских казармах — патрульный мотострелок — получил пулю с чердака жилого дома аж одиннадцатого февраля.

В первой половине марта обстановка вокруг Сальянских казарм нормализовалась, но выходить в город было нельзя. Смирнов и Мехов ударились в чтение книг в армейской библиотеке. Порывшись, с разрешения библиотекаря, в огромных «закромах», Сергей нашёл старую потрёпанную книгу, хранившуюся там, видимо, ещё со времён Российской империи начала двадцатого века, когда в Сальянских казармах размещался 206-й пехотный Сальянский полк, в честь которого они названы.

Раскрыв книжку, Смирнов с огромным удивлением обнаружил, что она относится к тому же тиражу, что и книжица без корок, которая ему уже попадалась в руки перед уходом в армию. Судорожно перелистав листы в середине, Сергей радостно обнаружил знакомую страницу с рисунком той самой подвески, устное описание которой ему, в своё время, дал дядя Гриша и которую украл у некоего Розенкрейцера карманник Коготь, чьё жестокое убийство расследовал отец Смирнова перед своей гибелью. Текст под рисунком однозначно говорил о том, что подвесками данного типа могли обладать лишь «мастера» тайных масонских лож, возведённые в процессе своего поэтапного совершенствования в ранг «рыцаря розы и креста».

За просмотром рисунка Смирнова застал Мехов. Вечером Виталий (так звали лейтенанта) спросил Сергея:

— Ты интересуешься масонством? Зачем это тебе?

— Есть у меня один важный вопрос по этой теме.

— Тогда тебе повезло: я достаточно информирован по части масонства. Моя мама — доктор исторических наук — писала на эту тему диссертацию, которую я знаю наизусть. В чём твой интерес к масонству?

— У меня есть подозрения, что смертельное для моего отца ДТП было организовано человеком, имеющим отношение к тайной масонской ложе или криминальной организации, занимающейся редкими драгоценностями с масонской символикой. У меня вопрос об этой масонской вещице, — Сергей осторожно открыл взятую в библиотеке книгу. — Как думаешь: что она означает и кому может принадлежать?

— Это подвеска мастера регулярной масонской ложи, возведённого в восемнадцатый градус посвящения, соответствующий степени розенкрейцера, или, по-другому, рыцаря Ордена розы и креста.

— Сошлось... Всё сошлось! — изумлённо прошептал Сергей.

— Что сошлось? — не понял Мехов.

— Причастного к смерти моего отца человека называли Розенкрейцером... А сколь-

ко всего градусов посвящения в масонстве?

— В многоуровневой иерархии масонов, по разным источникам, то ли тридцать два, то ли тридцать три градуса, то есть степени посвящения. Но все они, кроме трёх первых — неофициальные, а точнее — дополнительные, которые приобретают или не приобретают в дальнейшем обладатели третьей официальной степени мастера.

— Насколько значима в масонском мире степень розенкрейцера?

— Начнём с того, что она очень уважаема в их среде, так как Орден розенкрейцеров, по одной из версий, считается родоначальником масонства. По другой версии, этот Орден слился с масонской Великой ложей Англии, где розенкрейцеры заняли определяющие позиции. А если учесть, что корни Ордена розенкрейцеров ведут к Ордену тамплиеров, а по некоторым данным, и к ещё более древним тайным организациям, то можно сказать, что розенкрейцеры — это костяк регулярного масонства.

— Что представляет из себя регулярное масонство?

— Это сеть многочисленных масонских лож, действующих в различных странах на основании единого устава и стандартных ритуалов. Однако каждая из основных ветвей масонства считает регулярной только себя. В настоящее время масонство делится три основные части: ОВЛА — «Объединённая великая ложа Англии», самая большая по численности (около трёх миллионов человек), ВВФ — «Великий восток Франции» (около 300 тысяч) и целая куча разрозненных самопровозглашённых масонских лож со своими уставами (около 700 тысяч).

— А можно поподробнее?

— В самой массовой англо-саксонской ветви масонства (ОВЛА) базовым уставом большинства лож является знаменитый ДПШУ — «Древний и принятый шотландский устав», предусматривающий максимальное число дополнительных степеней (градусов) иерархического саморазвития масонов (с четвёртой по тридцать вторую, а кое-где и по тридцать третью). Кроме него, в этой же ветви есть ещё «Йоркский устав», наиболее распространённый в США. Во второй по численности — французской — ветви масонства (ВВФ) наиболее распространён «Устав Мемфис-Мицраим». Структура лож — иерархическая. В каждой регулярной ложе есть свой офицерский корпус, состоящий из пяти избираемых на общих конференциях офицеров: великого мастера ложи (главного руководителя), двух стражей (его заместителей), секретаря и казначея. Мастера одной ложи могут создавать организации дополнительных степеней со своим управлением, независимым от руководства ложи.

— В каких отношениях масонство с религией?

— Формально масонство не противоречит христианству и другим мировым религиям, но по факту противостоит им не на жизнь, а на смерть. Причём делается это крайне изощрённо. К антихристианским идеям начинающих масонов приучают постепенно и осторожно. Для начала им говорят, что масонство — не религия, и поэтому оно должно избегать упоминания имени Христа. Затем внушают, что масонство шире любой церкви, так как оно сводит все религии в некую новую, единую для всех, религию. Следующий этап посвящения в масоны — обожествление человека и отрицание Бога.

— Виталик, а что ты знаешь о русских масонах?

— Первые масонские ложи в Российской империи возникли как филиалы масонских орденов Запада и принимали на веру постулат о духовной и культурной неполноценности России, преодолеваемой путём масонского просвещения. Уверенное в бесспорном преимуществе западной культуры, российское масонство составило дворянско-интеллигентскую оппозицию государственному строю России и задолго до революционеров работало против национального государства и Русской православной церкви.

— Я слышал, что первые масоны проникли в Россию при Петре и тогда же в империи появились антимасоны?

— Я склоняюсь к той версии, по которой первым настоящим борцом с «масонской мафией» в Российской империи был крестник Петра Великого Василий Иванович Суворов, отец полководца Александра Васильевича Суворова. Когда в декабре 1760 года случилось его назначение генерал-губернатором Восточной Пруссии, завоёванной в Семилетней войне, Василий Иванович сразу же при приезде в Кёнигсберг стал жёсткой рукой наводить требуемый порядок. В целях пополнения государственной казны он сокращал расходы на придворные увеселения местного дворянства, поголовно состоявшего в масонстве и перешедшего в российское подданство, и выставлял на аукцион отчуждаемые по закону земли. От кёнигсбергских масонов посыпались в Санкт-Петербург жалобы на губернатора. В 1761 году к Василию Ивановичу прибыл на побывку после ранения сын — будущий великий полководец. Суворов-старший отправил Суворова-младшего «на разведку» в главное гнездо своих местных противников — в масонскую ложу «К трём коронам». И сын не подвёл отца. Войдя без приглашения

в помещение кёнигсбергской ложи, он представился мастером выдуманной им петербургской ложи «Три звезды». Прусские масоны не стали требовать от сына генерал-губернатора формальных доказательств масонской принадлежности и допустили его на своё собрание. Получив все необходимые отцу сведения и тем самым выполнив поручение, Александр Васильевич отбыл в действующую армию и более ни в каких масонских организациях замечен не был. А кёнигсбергские «братья масоны» ещё два месяца числили Суворова-младшего в своих списках, пока не выяснили, что тридцатилетний русский офицер обвёл их вокруг пальца. Но они быстро отыгрались, когда Пётр Третий вышел из войны с Пруссией, вернул Кенигсберг и сослал Василия Ивановича Суворова губернатором в Тобольск. По пути в ссылку Суворов-старший посетил Санкт-Петербург и принял участие в Екатерининском перевороте. Он вместе с преданными Екатерине гвардейцами обезоружил голштинских немцев, за что был произведён в премьер-майоры и затем в подполковники лейб-гвардии Измайловского полка. Впоследствии Василий Иванович, по поручению императрицы, занимался политическим сыском и на этом поприще получил чин генерал-аншефа. Умер он в 1775 году, будучи российским сенатором. После того в течение нескольких десятков лет никто не отличился в борьбе с масонством так, как Суворов-старший, пока не вышел на авансцену истории антимасон архимандрит Фотий, с чьей помощью последовал в 1822 году императорский запрет масонских обществ на русской земле.

— А сейчас у нас в СССР есть масоны и антимасоны?

— Да. Масоны точно есть, в чем, я полагаю, ты уже убедился сам в своем расследовании. Что же касается антимасонов, то — поверь мне на слово — есть и они. Если тебе потребуется их помощь в твоём родном городе, то сообщи мне об этом, и я дам координаты твоего земляка, который окажет тебе содействие.

— Виталик, а ты сам часом не тайный борец с масонами?

— Зачем тебе это знать? После услышанного сегодня ты, в любом случае, не поверишь мне до конца.

Глава 6. ВОЗВРАЩЕНИЕ

В свою часть Мехов и Смирнов вернулись из Баку в середине дня второго апреля 1990 года. Сергей направился к себе в роту. Он уже знал, что вся шестёрка ротных хулиганов во главе с Грибовым и Шарием убыла в места «не столь отдалённые» за систематические издевательства над молодыми солдатами, после того как один из пострадавших оказался на длительном лечении в госпитале, а двое других сбежали из части и пришли в военную прокуратуру, где дали показания против своих мучителей.

Офицеров в казарме не было, и балом в ней теперь правили бывшие фазаны — новоявленные деды во главе с Семенюком. Тот провёл Сергея в «ленкомнату», и там Смирнов, плотно окружённый сослуживцами, битый час рассказывал о командировке в Баку, после чего деды, по предложению Семенюка, приняли единогласное решение о переводе Сергея в статус старослужащего и тут же провели сразу два ритуала посвящения: из щеглов в фазаны (черпаки) и из фазанов в деды.

Первый ритуал: двенадцать ударов ремнём с бляхой по «пятой точке».

Второй ритуал: шесть ударов ниткой по тому же месту через подушку.

При посвящении в черпаки следовало терпеть боль, и при посвящении в деды — изображать.

Дослуживать срок Смирнов был переведен в штаб.

Его друг-офицер Виталий Мехов получил третьи звёздочки на лейтенантские погоны и убыл в Москву, перед этим устроив для Смирнова направление на трёхмесячные офицерские курсы, ежегодно проводившиеся на базе одной из воинских частей Оренбурга для срочников с высшим образованием. Три месяца пролетели, и в начале декабря новоиспечённый лейтенант Смирнов в новенькой офицерской форме и с документами об увольнении в запас отправился в оренбургский аэропорт для вылета в родной город.

Сойдя с трапа самолета, часом позже он уже подходил к двери квартиры дяди Гриши. Нажал на дверной звонок. Открыла тётя Таня, постаревшая на добрый десяток лет, с потускневшим взглядом. Куда только делась её обычная весёлость...

— А... Серёжа! Здравствуй, заходи в дом.

— Да, я, собственно, только за ключами... А где дядя Гриша?

— А дядя Гриша умер... два месяца назад... Сердце... Второй инфаркт оказался последним...

— Как же так...

— А вот так... Жил человек... и нет человека...

Поднявшись этажом выше, Смирнов наконец оказался в «родовом гнезде».

Утром следующего дня Сергей достал из своего дембельского чемоданчика пись-

мо, полученное им от Мехова на офицерских курсах, подошёл к телефонному аппарату и набрал написанный в письме телефонный номер.

— Здравствуйте! Я от Виталия.

На том конце провода на несколько секунд установилась тишина, после чего мужской голос медленно и внятно произнёс:

— Будьте сегодня в двенадцать тридцать у главного входа в центральный парк. Я сам к вам подойду.

Ровно в половине первого Сергей был на указанном месте. Через две минуты к нему подошёл рослый, плотно сложенный тридцатилетний мужчина, одетый в дорожное зимнее пальто чёрного цвета и такую же дорожную чёрную меховую шапку. На непроницаемом лице боксёрского типа не отражалось абсолютно ничего.

— Сергей, какую информацию вы хотите получить от меня?

— Извините, как я к вам могу обращаться?

— Зовите меня Иван Иванович или, если хотите, Пётр Петрович. Мне всё равно.

— Хорошо, Иван Иванович... Я ищу человека, обладающего в местном масонстве розенкрейцерской степенью посвящения или имеющего непосредственное отношение к коллекционированию масонских регалий.

— Понятно... Действующих масонских обществ регулярного типа у нас в городе сейчас нет, но я вполне допускаю, что кто-нибудь из местных потомков репрессированных масонов или засланных сюда масонских пропагандистов мог организовать нечто подобное лет десять тому назад, когда меня здесь ещё не было — например, какое-нибудь небольшое тайное общество, более похожее на прикрывающуюся масонскими ритуалами секту, чем на настоящую масонскую ложу, и спокойно существующее все эти годы в полуспящем режиме, используя в корыстных целях финансовые возможности приобретённых адептов.

— Ясно. А что вы можете рассказать мне о масонских обществах, существовавших здесь в несколько отдалённом прошлом, например, в начале этого века?

— Я лично читал кое-какие архивные бумаги местных жандармов, написанные на имя начальника губернского жандармского управления полковника Ивана Петровича Мазурина, уличающие отдельных влиятельных жителей нашего города того времени, в частности, некоего имевшего степень розенкрейцера гражданина Ивана Сергеевича Рукавишников, в чьём богатом родительском доме по Староконюшенному переулку скрытно собирались тогда его единомышленники, в принадлежности к местной тайной масонской организации «Железное кольцо», непосредственным руководителем которой был ещё один досточтимый мастер ложи в степени розенкрейцера Георгий Робертович Килевейн, и в целенаправленных действиях по дестабилизации положения в России в целом и в нашем городе в частности во время Первой мировой войны. Жандармский полковник Мазурин расстрелян в августе 1918 года чекистами, одним из которых был Арсений Дмитриевич Костин, уличённый в январе 1917 года жандармами Мазурина в принадлежности к масонской ложе «Железное кольцо». О том, что стало с масонами Рукавишниковым и Килевейном, к сожалению, не владею информацией, но, в своё время, мне в руки попало архивное уголовное дело об осуждении в 1930 году членов раскрытого органами ОГПУ местного тайного масонского общества «Орден духа», руководителем которого, по решению суда, была признана некая Софья Николаевна Раева. Так вот, её близким родственником, как я позже выяснил, являлся не кто иной, как Килевейн — предводитель дореволюционного «Железного кольца». Кстати, вышеупомянутый «Орден духа», представлявший собой масонскую ложу смешанного типа, то есть имеющую в своём составе как мужчин, так и женщин, был своеобразным филиалом московской «нерегулярной» масонской организации «Орден света», чьих членов ОГПУ арестовало ещё раньше, чем Раеву и её единомышленников.

— Раеву расстреляли?

— Как это ни странно — нет! Она тогда осталась жива. Отсидела небольшой срок, как, впрочем, и все остальные члены её организации, и вышла на свободу. опережая ваш следующий вопрос, отвечу — о её дальнейшей судьбе мне ничего неизвестно. Учитывая то, что с тех пор о масонах в нашем городе никто ничего не слышал, углубляться в дальнейшую биографию вышеперечисленных лиц не было необходимости.

— Что же, Иван Иванович, спасибо вам за эти сведения! Могу ли я, в случае необходимости, ещё раз потревожить вас в будущем?

— Можете. Удачи!

Иван Иванович, обменявшись рукопожатием, стремительно удалился.

Смирнов достал из кармана записную книжку, вписал в неё имена своим аккуратным почерком и отправился домой.

Не успел он войти в свою квартиру, как его окликнула торопливо поднимающаяся по лестнице тётя Таня. Она вошла вслед за ним в его прихожую и протянула неболь-

шой запечатанный конверт, на котором большими буквами было написано: «Сергею Смирнову лично в руки».

— Серёжа, извини меня, беспаятнуюю! Совсем вылетело из головы... Ведь Гриша просил меня этот вот конверт отдать тебе сразу же, как ты появишься. Как чувствовал, что тебя не дожждётся... Этот конверт он отдал мне за день до своей смерти...

Дождавшись ухода соседки, Сергей надорвал конверт и вынул из него тетрадный листок с записью, сделанной рукой дяди Гриши. В предсмертной записке отцовского друга было написано следующее:

«Здравствуй, Серёжа! Раз ты читаешь эти строки — значит, меня уже нет в живых... Но в этом нет никакого криминала. Просто проблемы с сердцем. Извини меня, но я тогда на поминках сказал тебе не всё. Рабочее место Дмитрия в нашем с ним общем кабинете в день его трагической гибели обыскал не кто иной, как я... И книжку об архимандрите Фотии я нашёл не у себя на столе, якобы в связи с забывчивостью твоего отца, а у него в сейфе, ища там записи с показаниями его «барабана» или отганные последним твою отцу предметы, имевшие отношение к убийству Когтя. Интересуюсь этим вопросом человеку я сообщил, что ничего такого я на рабочем месте Дмитрия не нашёл. Почему я выполнял поручение этого человека? Потому, что он, в своё время, помог мне с получением квартиры, а долг платежом красен. Не суди меня строго. Я никого и ничего этому человеку не сдал. Даже про книжку о Фотии не сказал ему ни слова... Ну, а теперь выводы, сделанные мной за годы раздумий: 1) люди, виновные в гибели карманника, осведомителя и твоего отца, видимо, так и не нашли разыскиваемую ими золотую погвеску, раз дело дошло до убийства Дмитрия и обысков в вашей квартире и служебном кабинете; 2) судя по тому человеку, который мне давал поручение, это люди серьёзные, и на их пути лучше не оказываться; 3) несомненно, все они входят в некое тайное сообщество, объединённое идеологией, тематически связанной с их пропавшей золотой погвеской. И самое главное: человека, давшего мне поручение провести нелегальный обыск на рабочем месте твоего отца, зовут Александр Фёдорович Костин. Не знаю, как сейчас, а в то время он являлся начальником одного из отделов нашего обкома КПСС. Всё. Не поминай меня лихом и прощай! Дядя Гриша».

И приписка:

«В кирпичной стене между вашим и моим сараями в подвале нашего дома есть тайник в виде ложного кирпича, слегка помеченного углём. Вскрывай его без свидетелей. Содержимое тайника — чистое. Никакой истории за ним нет. Если будешь искать убийц отца — оно тебе пригодится. Только не подставься по глупости!»

Прочитав записку, Смирнов буквально физически ощутил неслучайность совпадения фамилий у обкомовца Александра Федоровича Костина, незаконно задержавшего сотрудника милиции в интересах некой группы лиц, возможно, имеющих отношение к масонству, и чекиста Арсения Дмитриевича Костина, наверняка скрывавшего от сослуживцев своё масонское прошлое и беспощадно уничтожавшего в революционные годы всех, кто свидетельствовать о его масонской принадлежности. Нынешний Костин может оказаться внуком чекиста Костина и даже самим Розенкрейцером...

Немного успокоившись от избытка нахлынувших чувств, Сергей взял ключи от подвала и своего сарая в нём и, захватив фонарик с большой отвёрткой, быстро спустился на «нулевой» этаж дома. В сарае, кроме нескольких пустых картонных коробок и двух старых табуреток, ничего не было. Сергей направил фонарик на кирпичную стену, разъединяющую его сарай и дядин Гришин, и сразу заметил угольную отметку на кирпиче в середине стенки на высоте одного метра от земли. Присев на табуретку, стал выковыривать его из кладки отвёрткой.

Кирпич состоял из двух полых половинок и служил тайником для небольшого плоского предмета, обмотанного хорошо промасленной тряпкой и завернутого поверх неё в толстослойную бумагу. Сергей развернул этот свёрток и увидел браунинг модели 1906 года, называемый дамским пистолетом. В обойме — шесть патронов калибра 6,35 мм. Браунинг целиком поместился на ладони. «Какой маленький, — подумал Смирнов, — по сравнению с Макаровым или ТТ. Игрушка, да и только... но на близком расстоянии — это вполне себе смертоносное оружие... Спасибо, дядя Гриша!»

Сергей медленно навёл пистолет на дверцу сарая и ощутил, как щёчки рукоятки, выполненные из твёрдой резины с мелкой ромбовидной насечкой, приятно впились в пальцы и ладонь, а холодный спусковой крючок как будто замер под указательным пальцем. Осталось отвести затвор в крайнее заднее положение, отпустить его, и патрон будет дослан в патронник...

На следующий день Смирнов дождался, когда из соседнего подъезда на ежедневную часовую прогулку выйдет ветеран Великой Отечественной войны, орденосец и неутомимый борец за справедливость Пётр Макарович, проработавший, в своё время,

не менее десятка лет в областном комитете КПСС и до сих пор периодически посещавший родной обком по общественным вопросам, и, вежливо поздоровавшись, как бы невзначай завёл с ним разговор. Насколько мог долго поддакивал не на шутку разошедшемуся старику, клеймившему всех, кто, по его мнению, недостойно занимать значимые должности в партийной верхушке, и, уловив момент, провокационно назвал Александра Фёдоровича Костина в качестве возможного положительного примера. Тут ветеран воспыал праведным гневом до предела, и Сергей получил необходимую информацию о Костине.

Пётр Макарович обвинил Александра Фёдоровича во множестве конкретных греховных поступков, недостойных не только коммуниста, но и просто порядочного человека, и сообщил, что менее года назад Костин был снят со своей достаточно высокой должности в обкоме и направлен на работу секретарём парткома в пассажирское автотранспортное предприятие, расположенное в их районе. Такое понижение унижительно для партийца, примерно как разжалование полковника в лейтенанты.

В тот же день Сергей выяснил режим работы, адрес проживания, марку автомобиля, адрес гаража, номер домашнего телефона Костина и добыл фотографию врага со стенда в административном здании предприятия. На вид Костину было примерно сорок пять лет. Правильные черты лица, тёмные глаза и слегка тронутые интеллигентной сединой чёрные волосы.

Теперь требовалось выследить Костина, прижать и допросить. Лучшее место — гараж.

Глава 7. ДОПРОС КАЗНАЧЕЯ

— Руки на капот! — и в подтверждение серьёзности намерений Сергей произвёл выстрел из пистолета в старую крышку, лежавшую около хозяина машины, попавшего в ловушку в своем гараже. Перепуганный Костин послушно исполнил приказание и замер от растерянности. — Жить хочешь?

— Хочу.

— Тогда, не раздумывая, отвечай на все мои вопросы. Как называется ваша масонская ложа?

— «Железное кольцо».

— Сколько в ней членов?

— Двадцать семь.

— Кто руководитель?

— Раевский Николай Иванович.

— Он где-то работает?

— Нет.

— Адрес его проживания?

— Его место проживания не знает никто. В случае необходимости он сам нас всех находит.

— Он ваш великий мастер?

— Да.

— Раевский — его настоящая фамилия?

— В детстве Раевский был Раевым.

— Вы друг друга давно знаете?

— С детства. Наши матери дружили.

— Какова связь ваших родственников с дореволюционным «Железным кольцом», возглавлявшимся Георгием Робертовичем Килевейном и послереволюционным «Орденом духа», руководимым Софьей Николаевной Раевой?

— Покойная Софья Раева приходится родной тёткой Раевскому. Но его родители, насколько я знаю, никакого отношения к «Ордену духа» не имели. Так же как и мои. Что же касается дореволюционного «Железного кольца», то мой родной дед в молодости входил в его состав. Однако он очень быстро оттуда вышел, а после революции поступил на службу в ЧК.

— Твой дед — Арсений Дмитриевич Костин?

— Да.

— Для чего ты и Раевский воссоздали тайное общество «Железное кольцо»?

— Это не я. Это — Раевский. Он захотел стать законным правопреемником последнего великого мастера «Железного кольца» Килевейна, от которого через Раеву ему досталась в наследство подлинная золотая подвеска розенкрейцера, подтверждавшая степень посвящения Килевейна.

— Твоя роль в этой организации?

— Я её казначей.

— Из каких доходов формируется денежный фонд «Железного кольца»?

— Поскольку он в ложу бедных не принимает, основной контингент «Железного кольца» составляют «цеховики», стоматологи, имеющие дело с незаконным оборотом золота для зубных коронок, отдельные представители медицины, высших учебных заведений и властных структур, не брезгающие получать взятки, и прочие товарищи, имеющие не совсем праведный доход. Все они ежемесячно платят Раевскому взносы. Они все у него на крючке. Как это ему удаётся — большой вопрос... У него на каждый случай жизни есть свои люди, выполняющие любой его криминальный заказ. Это карманники, квартирные воры, медвежатники, специалисты по изготовлению поддельных документов и прочие. Они ничего не знают о «Железном кольце». Не надо думать, что Раевский только отбирает деньги у членов ложи. Он и помогает им: направляет к ним ценных клиентов, даёт деньги взаймы на расширение подпольной деятельности, решает вопросы с бандитами, способствует карьерному росту.

— Да это настоящий мафиози! Кто стражи ложи?

— Братья Красновы. Михаил Львович и Олег Львович.

— Цели вашей организации, кроме обогащения?

— Я не посвящён в глубину замыслов Раевского. Среди целей «Железного кольца», объявляемых рядовым членам организации, фигурируют такие термины, как самосовершенствование учеников, желающих достичь степени мастера, и карьерный рост во благо народа, чтобы сделать общество более справедливым и духовным.

— И что, люди ведутся на это словоблудие?

— Да. Правда, не знаю, насколько искренне. Порой мне кажется, что подавляющее большинство вступает в ряды «Железного кольца» с тайной надеждой на помощь в карьерном росте ради личных целей.

— Откуда у вас масонская литература?

— Думаю, что Раевскому много чего перепало из тайников его тётки Раевой. Видимо, далеко не всё конфисковали у неё НКВДшники после ареста.

— Свой обряд инициации в ученики вы скопировали с описания ритуала Львом Толстым в «Войне и мире»?

— Да.

— Значит, в ритуалах «Железного кольца» практикуется вся эта ахинея с обнажением торса, завязыванием глаз, оставлением на полчаса в «комнате размышлений» и процедурами в так называемом «храме»?

— Да, всё это есть в обряде инициации новых членов нашей ложи.

— В конце ритуала великий мастер Раевский наверняка объясняет новичку, что главное призвание всех масонов — это «сделать хорошего человека ещё лучше».

— Да, именно так.

— Когда и где очередное собрание ложи?

— Сегодня в девятнадцать ноль-ноль в доме номер семнадцать по Староконюшенному переулку.

— В том самом доме Рукавишникова, в котором до революции собиралось «Железное кольцо»?

— Да.

— Кто сейчас официально проживает в этом доме?

— Один глухой старик, который по факту квартирует у своей дочери по другому адресу. Раевский платит им за пользование деревянным домом дореволюционной постройки.

— Пути скрытого отхода из дома предусмотрены?

— Конечно. Правда, только один. Через подземный ход, оборудованный ещё членами старого «Железного кольца».

— Куда он идёт?

— Ход в своей середине раздваивается: одно ответвление ведёт к соседнему домишке, ныне предназначенному на слом, а другое — к заброшенным полуразрушенным сараям метрах в восьмидесяти.

— Кто отдал приказ ликвидировать майора милиции Смирнова?

— Раевский.

— Кто был за рулём угнанного самосвала, врезавшегося в «Жигули» Смирнова?

— Михаил Краснов. А рядом с ним сидел его младший брат Олег.

— Что делал при этом ты?

— Ничего. Я не имею к этому убийству никакого отношения. Всё, что я сделал — это, по требованию Раевского, позвонил своему знакомому Григорию, сослуживцу Смирнова, и попросил его порыться в сейфе и на рабочем столе погибшего майора в целях обнаружения каких-либо золотых предметов и письменных показаний смирновского осведомителя по делу убийства карманника Когтя. Григорий ничего такого не обнаружил.

— Кто пытал и убил Когтя», а потом и его приятеля, которому тот проиграл укра-

денную у Раевского подвеску?

- Те же братья Красновы, стражи ложи.
- Где сейчас находится подвеска?
- Не знаю. Мы ведь её так и не нашли.

Глава 8. ФИНАЛ РОЗЕНКРЕЙЦЕРА

«Иван Иванович» оказался на своём рабочем месте, вежливо ответил на телефонное приветствие Смирнова, через час прибыл на место встречи, выслушал рассказ Сергея о возрожденном «Железном кольце» и принял к сведению информацию о сходке.

Вскоре они вновь встретились, по инициативе уже «Ивана Ивановича».

— Все члены масонской ложи, кроме руководства, задержаны, — сообщил он Сергею.

— А почему не задержаны руководители?

— Они, включая «информатора» Костина, убиты в междоусобной разборке в подземном ходе, находящемся под местом сборищ масонской ложи...

— Это ненастоящая масонская ложа, это криминальная подделка под неё...

— Позвольте, Сергей, с вами не согласиться. Особой разницы между стандартной масонской ложей и ныне разоблачённой «масонской сектой», по сути, нет. Просто где-то больше эзотерики и заумного пафоса, а где-то — откровенного криминала... Лично мне нравится определение масонству, которое в своей официальной булле дал в 1738 году римский папа Климент XII: «Масонство есть вредная секта, полная лицемерия, притворства, ереси и суеверий, направленная на разрушение церкви и государственной власти»... А по-настоящему меня зовут Андрей. Андрей Ларионов, капитан госбезопасности. И если честно, мне очень бы хотелось, чтобы ты поступил к нам на службу. Считай, что я делаю тебе официальное предложение. Ну, как, лейтенант запаса Смирнов — согласен?

— Извини, Андрей, но на службу в КГБ я не пойду.

— Почему?

— Мой отец — сотрудник уголовного розыска, погибший на боевом посту. И я уже давно решил, что после армии пойду служить в милицию.

Эпилог

Двадцать лет спустя подполковник милиции в отставке Сергей Смирнов вновь встретился со своим армейским другом-антимасоном Виталием Меховым, действующим генералом российской военной разведки.

— Сейчас в России примерно полторы тысячи масонов, — говорил Виталий, специально приехавший в город Сергея для встречи с ним. — Причём более тысячи из них являются регулярными, то есть состоят в учреждённой в 1995 году и признанной почти сотней масонских организаций в разных странах мира Великой ложе России — своеобразном филиале Объединённой великой ложи Англии. В Великую ложу России сегодня входят порядка пятидесяти мелких лож, большей частью московских. В России есть и другие масонские организации с иными уставами, но они не имеют официально признанного статуса и являются представительствами зарубежных нерегулярных масонских обществ.

— Полторы тысячи масонов в России сегодня? И все эти люди — из высшего эшелона нашей современной элиты?

— Ну, не все. Слава Богу — мы ещё не масонская страна. А вот США — это вполне себе состоявшееся масонское государство, контролируемое неким масонским центром, ядро которого может находиться как в США, так и в Великобритании — на родине мирового масонства. Российские масоны иерархически подчинены ложам Запада и планируют создать в России некое «буржуазно-демократическое» общество, отличительными чертами которого якобы будут: демократия парламентского типа, независимая судебная власть, политический плюрализм, светский характер общества, рыночная экономика и так далее, то есть создать то, что, как они считают, давно уже успешно построено на Западе. На самом деле, «демократия» на Западе — это только вывеска. Вся западная экономическая и политическая элита выращивается в закрытой системе клубов и лож. Их судебная система базируется на корпоративных соглашениях и на механизме третейского разрешения споров для «избранных» — реальных хозяев жизни. Знаменитая «рыночная» экономика прибрана к рукам монополистическими структурами финансового и промышленного капитала, концентрирующего в себе все основные финансовые потоки. Западный «плюрализм» — инструмент манипуляции общественным сознанием. Но для прозападной либеральной части нашего общества,

в том числе для так называемых «новой буржуазии» и «нового дворянства» из числа крупных чиновников и силовиков, образ Запада — привлекателен и мил. Они, видя своё будущее только на Западе, всеми силами стремятся туда.

— Виталик, я как-то уже спрашивал тебя об этом, но ты тогда уклонился от ответа. Может, ответишь сейчас? Ты — «георгиевец»?

— Да.

— Раньше я не очень верил в существование вашего сообщества в недрах спецслужб. Думал, что это миф и обманка...

— А ваша милицмейская «Белая стрела» — миф или реальность?

— Не знаю. Мне говорили, что это выдумка...

— Вот и ты говори о «георгиевцах», что это выдумка...

— Какие у вас, «георгиевцев», реальные успехи «на полях сражений» с масонами?

— Могу сказать лишь, что благодаря «георгиевцам» недавно российское масонство потряс разоблачительный скандал: «неизвестные лица» опубликовали в интернет-сети списки действительных членов самой большой масонской ложи в России. В этих списках есть даже крупные российские чиновники и топ-менеджеры самых известных компаний страны. О последствиях этой «информационной бомбы» я пока умолчу. Ну, а теперь о самом главном. Я предлагаю тебе принять непосредственное участие в одной из «долгоиграющих» секретных операций моей организации, проведение которой планируется и организуется лично мной.

— И что это за операция?

— Очень серьёзная, Серёга. Недели через две сюда — в твой родной город — придут два иностранца. Формально они будут прикрыты всеми документами, позволяющими им в течение долгого периода времени работать здесь на одном совместном предприятии, значительная часть акций которого принадлежит американцам. На самом же деле, их задачей будет открытие здесь представительства одной из американских масонских лож и сбор информации о предприятиях оборонки на территории вашей области. Им нужно будет привлечь в свою ложу как можно больше местных представителей оборонного комплекса и научно-технической интеллигенции, чтобы потом выуживать у них информацию.

— Но это же шпионаж!

— Да, шпионаж. Но просто так их за жабры не возьмёшь. Нужны будут доказательства. Мне нужно внедрить к ним своего человека. И этим человеком я вижу, Серёга, тебя.

— С чего это они мне вдруг поверят?

— Да с того, что один из них — твой институтский друг Виктор Петрович Горчаков.

— Что? Витька?

— Да, Витька. Он кадровый сотрудник американской разведки. Зачастую тем, кто, как Витька, уезжает на Запад, но не является ни гением, ни чемпионом, ни высококвалифицированным специалистом, остаётся небогатый выбор: либо возвращение ни с чем на родину, либо нищета, либо криминал, либо предательство...

По плану Мехова, Смирнов должен будет разыграть перед своим бывшим другом роль руководителя якобы до сих пор существующей нерегулярной масонской ложи «Железное кольцо», то есть, по сути, занять место покойного Розенкрейцера, и намекнуть Виктору, что его ложа не прочь целиком войти во вновь создаваемую масонскую структуру Горчакова. Роль большинства членов «Железного кольца» сыграют специально присланные люди Мехова. В качестве штаб-квартиры лжеложи можно использовать старый масонский дом в Староконюшенном переулке.

В завершение разговора Виталий сообщил Сергею о том, что двадцать лет назад Ларионов при обыске в квартире убитых братьев Красновых нашёл пропавшую золотую подвеску Розенкрейцера. Видимо, братья присвоили её себе после пытки и убийства милицейского осведомителя и обманули Раевского, свалив пропажу на Смирнова-старшего. Теперь подвеска может очень пригодиться в качестве фактора доверия к «Железному кольцу» в глазах Горчакова.

— Виталик, не хочу я этим заниматься... — попытался отказаться Сергей.

— Возражения не принимаются!

— А что, моё мнение уже никого не интересует?

— Серёга, сейчас не время жеманничать.

— Всё настолько серьёзно?

— Да. На наше отечество вновь начинается широкомасштабное наступление жестокого и абсолютно беспринципного внешнего врага, использующего взращённых на зарубежных грантах и ориентированных на Запад активистов нашей так называемой либеральной оппозиции и представителей олигархата. На кону — будущее России!

— Ладно-ладно... Уговорил. Согласен.